

Макферсон Джеймс

**Оссиан, сын Фингалов, бард
третьяго века. Гальския
стихотворения**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д40

Д40 **Джеймс М.**
Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения: Часть 2 / Макферсон
Джеймс – М.: Книга по Требованию, 2023. – 264 с.

ISBN 978-5-519-95013-8

ISBN 978-5-519-95013-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

.... Случаи временъ претекшихъ, дѣянiя преждебывшихъ Героевъ! воскресните въ моихъ пѣсняхъ.

Кто возвращается изъ земли чуждыхъ, окруженъ тысящю своихъ сильныхъ? Знамя *Морзена* распростертое на воздухъ ему предшествоуетъ; его густые власы противоборствуютъ, кажется, горнымъ вѣтрамъ. На ласковомъ его лицѣ не зрятся уже свирѣпыя чершны брани. Онъ спокоенъ, какъ вечернiй лучъ, свѣщающiй сквозь облако на смѣющуюся долину *Коны*. Кто, какъ не *Фингалъ*, сынъ *Камгала*, владыка прославленный своими подвигами? Еще съ радостiю видитъ онъ свои холмы; онъ повелѣлъ Бардамъ воспѣть, и вдругъ тысяща гласовъ возвысились.

Побѣгли вы на поляхъ своихъ, вы сыны земли дальнiя. Царь вселенныя, сидя въ своихъ чертогахъ, извѣщается о гибели своихъ ратниковъ; онъ спремилъ взоры гнѣва, и схватываетъ мечъ опцевъ своихъ. Побѣгли вы сыны земли дальнiя.

Такъ пѣли Барды, вступя въ чертоги *Сельмы*. Возжигаются тысяща свѣтильниковъ, опѣяныхъ *Фингаломъ* у иноплеменныхъ. Пиршество уготовано, и ночь проходитъ въ радости. Гдѣ *Клессаморъ*, рекъ *Фингалъ*, гдѣ вѣрный опца моего спутникъ, гдѣ онъ въ день веселiя *Фингалова*? Уединенъ и печаленъ провождаетъ онъ жизнь свою въ долину *Лоры*.... Но я его вижу: спремится

онъ сѣ холма какъ бодрый конь, который по вѣянію вѣтра чувствуетъ издали товарищей своихъ въ долинѣ, бѣжитъ и развѣиваетъ по воздуху блистающую свою гриву. Здравіе *Клессамору*! по что такъ долго не зримъ тебя въ *Сельмѣ*?

И такъ возвратился *Фингалъ* въ славу поржества? отвѣствуетъ *Клессаморъ*. Такъ возвращался *Комгалъ* отъ браней своей младости. Часто прошекали мы источникъ *Каруна*, дабы устремиться на сыновъ чуждыхъ; мечи наши обагрядись кровію, не радовались Цари міра.

Но по что воспоминашь битвы моей юности? Блѣвотъ уже старостию власы мои. Рука моя привыкаетъ натягать лукъ, и тяжелое копье не для моей уже десницы.

Ахъ! когда ощушу я радость, какую чувствовалъ при первомъ взглядѣ на любезную дочь иноплеменныхъ, на бѣлогрудую *Моину*?

Повѣждь намъ, вѣщаетъ *Фингалъ*, случаи твоей младости; какъ солнце облакомъ, помрачался прискорбіемъ душа *Клессамора*; одинъ, на берегахъ *Лоры*, углубляешься ты въ печальныхъ только мысляхъ. Скажи намъ, какое несчастіе омрачило нѣкогда благополучные твои дни?

Во дни мира, отвѣствуетъ *Клессаморъ*, прибылъ я въ *Балклату*. Вѣтры свирѣпствовали въ моихъ парусахъ, и волны *Клу-*
ты

ты пріяли корабль мой устремленный
бурею. Три дни пребылъ я въ чертогахъ
Рютамира. Очи мои занимались прелестя-
ми его дщери Мирная чаша ходила кру-
гомъ, и почтенный сѣдинами Герой вручилъ
мнѣ прекрасную *Моину*. Ея выя подобна
была пѣнѣ волнѣ; очи ея какъ блистающія
въ ночи звѣзды; перья врана не такъ чер-
ны, какъ ея власы. Душа ея благородна и
нѣжна: неизреченна была любовь моя къ
Моинѣ, и сердце мое изливалось въ радо-
стяхъ.

Вождь иноплеменный, любившій также
Моину, приходитъ въ чертоги *Рютамира*.
Гордости исполнена была его бесѣда. Ча-
сто извлекалъ онъ мечъ свой до половины.
Гдѣ могущественный *Комгалъ*, говорилъ
онъ, гдѣ неупомимый сей ратоборецъ?
Безъ сомнѣнія идетъ онъ съ воинствомъ въ
Барклуту, когда *Клессаморъ* толико дерзо-
стенъ.

Познай, вѣщаю я, познай; душа моя соб-
ственнымъ воспламеняется жаромъ, и я без-
препеченъ среди тысячи сопастатъ, хотя
сильные мои отъ меня далече. Иноплемен-
ный! ты говоришь гордо *Клессамору*, видя,
что онъ одинъ. Но мечъ мой сотрясается
уже при бедрѣ моей, желая блистать въ
моей десницѣ. Престань говорить о *Ком-
галѣ*, сынъ излучистой *Клуты*.

Раздражилась гордость его. Мы сражались; онъ палъ мечемъ моимъ. Брега *Клуты* возгремѣли его паденіемъ. Едрутъ тысяча копій блистаютъ вокругъ меня; я прошивоборствую; но сыны чуждые преодолѣли. Я пустился на волны *Клуты*. Бѣлые мои парусы возвысились надъ водами, и мой корабль скачетъ уже на лазуревыхъ выбяхъ Океана.

Моина приходитъ на брегъ. Очи ея омрачились слезами; черные власы ея развѣвались по волѣ вѣтровъ; я слышалъ ея крики; многократно покушался я возвратиться ко берегу, но вѣтры восточные увлекли корабль мой. Съ сего роковаго часа не видалъ я *Клуты*, не видалъ уже прелестной *Моины*. Она скончалась въ стѣнахъ *Балклуты*. Я видѣлъ тѣнь ея. Я узналъ ее, когда она явилась мнѣ во мракѣ на журчащихъ волнахъ *Лоры*. Она подобна была новому мѣсяцу, сокрытому за густымъ облакомъ, когда идетъ крупный снѣгъ, и когда безмолвіе и мракъ обладаютъ вселенною.

Воспойте хвалы прелестной *Моинѣ*, рекъ *Фингалъ* своимъ Бардамъ; воспойте, пусть ваши пѣсни гризуютъ тѣнь ея на холмы наши, да сія несчастная успокоится съ красотами *Морвена*, свѣтилами вѣковъ пропекшихъ и любовію преждебывшихъ Героевъ. Я самъ видѣлъ *Балклуту*. Она была уже пуста. Пламень разрушилъ ея дома. Неслышно

шно было человѣческаго гласа. Теченіе рѣки
 ея совращено упавшими стѣнами. Повсюду
 колеблется уединенный терновникъ, и гу-
 стой мохъ бесѣдуетъ тихо съ вѣтрами.
 Пустынные звѣри обитаютъ въ жилищѣ
 человѣковъ; они выглядываютъ изъ среды
 развалинъ; вокругъ головъ ихъ развѣваются
 дикія шпавы. Опустѣло жилище *Моины*,
 безмолвіе царствуетъ въ чертогахъ опцевъ
 ея. Возгребите, о Барды! пѣсни печали,
 восплачьте надъ жребіемъ иноплеменныхъ:
 они пали прежде насъ; но скоро и мы па-
 демъ. . . . О смертный, жертва быстро-
 крылаго времени! по что строишь ты черто-
 ги? Нынѣ съ гордыхъ высотъ твоихъ про-
 стираешь ты свои взоры; нѣсколько еще
 лѣтъ, и вѣтръ пустынный возшумитъ въ
 твоихъ осиротѣлыхъ башняхъ, и будетъ
 свистѣть вокругъ полусохнувшаго твоего
 щипа. . . . Но пусть придетъ пустынный
 вѣтръ; дни наши пребудутъ незабвенны
 славою. Знаки моего мужества останутся
 на поляхъ брани, и мое имя въ пѣсняхъ
 Бардовъ. Воспойте, о друзья; пошлите кру-
 гомъ чашу пиршества; да возгремятъ чер-
 тоги мои восторгами радости. . . . О солн-
 це, могущественное свѣтило! еслии и ты
 должно нѣкогда исчезнуть, еслии сіяніе
 твое временно, то слава моя преживетъ лу-
 чи твои.

Тако пѣлъ *Фингалъ* въ восторгахъ своей радости. Тысяща Бардовъ, сѣдѣвшихъ вокругъ его, уклонились впередъ, дабы внимать гласу своего владыки, гласу подобному сладостнымъ звукамъ арфы, принесеннымъ на крылахъ весеннихъ зефировъ. Каждая мысль твоя, о *Фингалъ*! была любезна и пріятна. По что душа *Оссѣнова* не имѣетъ силы души твоей? Но ты не имѣешь себѣ подобнаго во вселенной, о родитель мой! и кто равенъ владыкѣ *Морвена*?

Ночь прешла въ пѣсняхъ, и утро узрѣдо насъ въ веселіи. Уже являются сѣроватыя горъ верхи; уже царствуетъ усмѣшка на лазоревой поверхности морей. Вдругъ увидѣли сѣдую волну разрушенну при отдаленной скалѣ. Изъ глубины озера возвыщается медленно густой туманъ, и преобразясь въ видъ старца, простирается вдоль молчаливой ровнины. Не движутся въ шествіи члены сего страшнаго призрака; тѣнь нѣкая несетъ его по воздуху; остановился онъ надъ чертогами *Сельмы* и пролился въ дождь кровавомъ.

Одинъ *Фингалъ* усмотрѣлъ грозное сіе чудовище, и предузналъ смерть ратоборцевъ. Безмолвенъ входитъ онъ въ свои чертоги и беретъ копіе отца своего. Уже броня звучитъ на его груди. Сильные *Морвена* стали вокругъ его; въ молчаніи смотрятъ они другъ на друга, и примѣчаютъ взоры *Фингала*. Они видятъ брань на лицѣ его, и
смерть

смерть народа въ движеніи копія его. Тысяща мечей сверкаютъ въ чертогахъ *Селлы*. Звукъ оружія раздается въ воздухъ. Ловчіе псы воютъ изумленны и неподвижны. Ни единого слова не изходитъ изъ устъ ратниковъ: каждой, устремля взоры свои во взоры *Фингалъ*, подѣмлетъ копіе свое.

Чада *Морвенъ*! вѣщаетъ владыка, не нынѣ время пиршествъ. Темный облакъ сраженій приближается, и смерть носится надъ странюю нашею. Нѣкая тѣнь, другъ *Фингаловъ*, извѣстила насъ о сопоставѣ. Мрачное море спремлетъ на берега наши сыновъ чуждыхъ. Я видѣлъ воспекшее отъ озера чудовище, знакъ вѣрный опасности *Морвена*. Да каждый изъ васъ ополчится тяжелымъ своимъ копіемъ, и препояшетъ при бедрѣ мечъ отца своего. Да покроетъ главу каждого темновидный шлемъ, и непроницаемыя латы да блистаютъ на ребрахъ вашихъ. Буря брани устремляется на насъ, и скоро услышите вы рыканіе смерти.

Шествуетъ *Фингалъ* предъ своимъ воинствомъ, какъ страшный облакъ, предпекущій цѣлой связи облаковъ, опягченныхъ огнями небесными, когда она простирается по ночному небу, и предвѣщаетъ мореплавателямъ бурю. Воинство остановилось на высотѣ *Конъ*. Дщери *Морвенскія* смотрятъ на него изъ долины, и почитаютъ дремучимъ лѣсомъ. Онѣ трепещутъ о жизни юныхъ

сво-

своихъ любовниковъ. Со ужасомъ взираютъ онѣ на море; бѣлыя волны обманываютъ взоръ ихъ; онѣ почитаютъ ихъ отдаленными парусами, и въ томныхъ очахъ ихъ трепещутъ слезы.

Солнце позлащаетъ уже волны, и мы узрѣли вдали флотъ. Онѣ приближился, бодрые ратоборцы исходятъ на бреѣ. Вождь ихъ возвышается посреди ихъ какъ елень посреди сернѣ. Величественно шествуетъ онѣ къ *Сельмѣ*, за нимъ его воители. Гряди *Уллинъ*, рекъ *Фингалъ*, гряди къ сему иноплеменнику, и вѣщай ему слова мира. Скажи, что мы спрашны въ бранѣхъ, что тѣни враговъ нашихъ носятся тысящами на зыбяхъ воздушныхъ, и что пировавшіе со мною иноплеменники увѣнчанны славою. Они показываютъ оружіе опцевъ моихъ въ снарядахъ отдаленныхъ. Сыны чуждыхъ удивляются имъ, и благословляютъ друзей *Морвенскаго* племени; зане славою нашего имени исполнена вселенная, и Цари міра трепещутъ насъ въ своихъ собственныхъ чертогахъ.

Уллинъ шествуетъ съ тѣснѣю. *Фингалъ* склонился на свое копѣе; онѣ узрѣвъ спрашнаго своего сопостата, и еще издали восхваляетъ его. Коль величественно твое шествіе, сынъ Океана! Мечъ твой подобенъ огню все пожирающему, копѣе твоей долговѣчной соснѣ проливоборствующей бурямъ. Премѣнное лице луны не ширѣ твоего щита;

на

на лицѣ твоемъ блистаютъ розы юности ;
 черные и нѣжные власы твои развѣваются
 кудрями на раменахъ твоихъ. . . . Но сіе
 гордое древо можетъ пасть , и память его
 съ нимъ погибнетъ. Дщерь иноплеменная
 будетъ скорбѣть , и устремитъ съ печалію
 взоръ свой на волны. Чада ея скажутъ : мы
 видимъ корабль , плыветъ въ немъ можетъ
 быть Царь *Балкхуты*. Слезы потекутъ изъ
 очей ихъ матери. Она будетъ думать о
 Героѣ , которой почіетъ уже тогда въ стра-
 нѣ *Морвена*.

Такъ вѣщалъ *Фингалъ* , когда *Уллинъ*
 приблизился къ *Картону*. Три крапы укло-
 ня предъ нимъ копіе свое , возгремѣлъ онъ
 пѣснь мира : гряди пиршествовать съ *Фин-
 галомъ* , о *Картонъ* ! гряди , или возвысь
 копіе брани ; облаки наполнены тѣнями со-
 постатъ нашихъ ; но друзья наши увѣнчан-
 ны славою. Возври на сіе поле , *Картонъ* ,
 виждь на зеленыхъ сихъ холмахъ покрытые
 травою и мохомъ камни : это гробы вра-
 говъ *Фингаловыхъ*.

Бардъ *Морвена* ! отвѣтствуетъ *Картонъ* ,
 или думаешь ты , что слабому говоришь
 воителю ? Уже ли примѣчаешь на лицѣ мо-
 емъ блѣдность ужаса ? Какъ хочешь повер-
 гнуть душу мою въ смущеніе , говоря о пад-
 шихъ ратоборцахъ ? Десница моя знаменита
 во бранѣхъ , и слава моя далеко простер-
 лась. Гряди къ безсильнымъ , имъ совѣшуй
 пока-

покаряться *Фингалу*. Я вѣлѣ паденіе *Балклеты*, и мнѣ пиршествовать съ сыномъ *Комгаловымъ*, съ сыномъ того, кто разрушилѣ пламенемъ чертоги отца моего! Я былѣ еще опрокомѣ, и не зналъ, для чего плакали юныя дѣвы. Мнѣ весело было смотрѣть на столпы дыма, восходящіе превыше стѣнѣ нашихъ; часто обращалѣ я взорѣ свой, и съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ бѣжали вдоль холма друзья наши. Прѣшли лѣта опрочесства, и я узрѣлъ густой мохъ на развалинахъ стѣнѣ нашихъ. Вздохи мои начинались съ восходомъ денницы, и слезы мои текли еще во мракѣ наступившей ночи. Не ополчусь ли я, говорилѣ я самѣ себѣ, противу сыновъ сопостатовъ моихъ? . . . Такъ, Бардѣ, я ополчуся противу ихъ; сила крѣпости моей воспрянула.

Сильные окружаютѣ *Картона*, вдругѣ извлекаютѣ блистающіе мечи. Слеза готова выкапиться изъ очей его; онѣ думалѣ о паденіи *Балклеты*, и весь гнѣвъ соединенный въ сердцѣ его воспламеняется. Онѣ возврѣлъ на холмѣ, гдѣ Герои наши блистали въ своемъ оружіи. Онѣ потрясъ копіемъ своимъ, и уклоняся впередѣ, казалось, грозилѣ онѣ владыкѣ *Морвена*.

Сразится ли мнѣ съ *Картономъ*? рекѣ *Фингалѣ* въ душѣ своей: остановитѣ ли его среди его печенія, и доколь еще не возсіяла слава его? Но будущіе Барды, видя гробѣ его,